

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Т. П. Вязовик

Роль публичной сферы
в распространении консервативно-
охранительного дискурса начала
XIX столетия

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Vyazovik_role.pdf

Перепечатка с сайта НИУ-ВШЭ
<http://www.hse.ru>

URL: <http://www.civisbook.ru>

Т. П. Вязовик

Роль публичной сферы в распространении консервативно- охранительного дискурса начала XIX столетия

Неудача российской модернизации по западноевропейскому образцу все чаще побуждает исследователей в поисках ее причин обращаться к неким ментальным структурам, воспроизводимым на протяжении всего существования российской государственности, в основе которых — отношение к власти как некой сакральной силе, предопределяющей характер социального существования индивида. Как отмечает А.И.Щербинин, если в западных демократиях лояльность масс покупается за их же деньги (система налогов), то в России ее граждане уже потому лояльны, что их статус — статус подданных¹. Думается, однако, что такое восприятие власти, характерное для традиционного общества, уже начиная с XVIII столетия не может быть распространено на все социальные слои российского общества.

Как бы ни оценивать характер российской модернизации, начатой Петром Первым, надо признать, что в ходе социокультурного разобщения появилось привилегированное сословие, ступившее вод воздействием реформ на путь эмансипации, изменившей уже к концу XVIII столетия как социальную среду, так и ее субъекта, ставшего производителем принципиально новых смыслов и новых типов деятельности. И это касается не только российских прогрессистов и их социальных практик, но в не меньшей степени — приверженцев консервативной охранительной идеологии, отстаивавших политическое самодержавие.

Самодержавие, как известно, являлось сугубо традиционалистским политическим институтом, не подлежащим рефлексии, в силу чего вплоть

¹Щербинин А.И. Государь и гражданин // Полис. 1997. № 2. С.162.

до начала XX в. единственной попыткой обоснования сакральной власти монарха оставалась «Правда воли Монаршей» Феофана Прокоповича. В качестве политической силы такой институт мог существовать только при условии опоры на трансцендентную легитимацию традиционалистского толка. В то же время в практической деятельности верховная власть ориентировалась на модернизацию и инициировала «далеко идущие процессы экономических и социальных изменений»².

Несмотря на сохранение традиционалистских интенций в сфере политики, власть, как известно, внедряла и распространяла современные институты, заимствованные в Европе, включая административно-бюрократическую систему, организующую государство, светскую систему образования, научные учреждения, учреждения культуры, средства массовой информации. Функционирование каждого из этих институтов осуществлялось в условиях формирующегося общества модерна, признающего неотчуждаемые права и свободы личности, рационально осваивающей действительность. В самом деле, бюрократия в целом рационализировала социально-политическое пространство, готовила почву для введения его в правовое поле. Такие явления культуры, как наука, рационализирующая мир, искусство с его индивидуализмом, система образования, в том числе высшего, печать требовали от личности внутренней свободы и осознания своего права на мнение и его выражение, поскольку только при этом условии оказывалось возможным успешное функционирование самих институтов.

Насаждаемые властью, эти институты, будучи частью социальной действительности, в виде объективных структур вступали в диалектические взаимоотношения с субъективными структурами — когнитивными представлениями агентов. Интериоризируясь в процессе осуществления практик, они превращались в инкорпорированные структуры — практические схемы, которые, в свою очередь, обуславливали экстериоризацию, т.е. воспроизводство объективных социальных структур посредством практик агентов, порожденных этими структурами³.

Сложившаяся в результате этого новая социально-политическая система была крайне противоречива: социокультурные институты модерна, в рамках которых дворянство обладало индивидуальными правами и свободами, парадоксально сочетались с традиционалистским

² Эйзенштадт Ш. Революции и преобразования обществ. Сравнительное изучение цивилизаций/Пер. с англ. А.В.Гордона под ред. Б.С.Ерасова. М.: Аспект Пресс, 1999. С.177.

³ Шматко Н.А. Анализ культурного производства Пьера Бурдьё// Социальные исследования. 2003, № 3. С. 114.

институтом крепостного права, причем именно владение крепостными крестьянами являлось залогом определенной экономической независимости дворянства, тем самым способствуя его эмансипации. В то же время, как отмечает по поводу сложившейся в России системе Эйзенштадт, «центр стремился установить ... строгий контроль за определением целей важнейшими группами и слоями общества и их самоопределением»⁴, а потому владение крепостными, так же как и права и свободы, являлось не собственно правом, а привилегией, дарованной властью.

Однако и сама самодержавная власть в лице российских монархов зависела от дворянства, так как дарованные привилегии были тем ресурсом, в обмен на который дворянство соглашалось на легитимацию власти.

В результате легитимация самодержавия представала в качестве типичного «кредитования» на основе «торга с властью», характерного для любых легитимных режимов, включая демократические, что неоднократно было доказано в ходе дворцовых переворотов: только власть, обеспечивающая права и свободы дворянства, могла в России рассчитывать на легитимацию.

Таким образом, по отношению к дворянству можно говорить, что предметом согласия являлась не только власть, как подчас считается⁵, но сама система, в которой власть обеспечивает ограниченные права и свободы дворянства в обмен на его отказ от политической субъектности и связанных с этим корпоративных свобод. Именно в данном контексте можно оценивать идеи и деятельность консерваторов-охранителей, которые продуцировали традиционалистский дискурс и отстаивали политический институт самодержавия в условиях, когда стала очевидной угроза этому институту со стороны просвещенческих идей, ведущих, в конечном счете, к внесловному государству. При этом, как представляется, «охранять» предлагалось не только и не столько монарха, сколько режим, обеспечивающий дворянские права и свободы.

Дворянство — в основной своей массе — воспринимало социальный мир таким, каков он есть, а система, гарантирующая экономические и символические привилегии дворянства, представала как единственно возможная. Но поскольку символические привилегии были сформированы в ходе функционирования и традиционалистских институтов, и социокультурных институтов модерна, в которых были

⁴ Эйзенштадт Ш. Революции и преобразования обществ... С.174.

⁵ Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. «Русская Система» как попытка понимания русской истории// Полис. 2001, № 4.

опосредованно «опредмечены» соответствующие идеи, распространявшиеся, в том числе властью, и в виде дискурсов, то сознание российского дворянина, так же, как и его социальные практики, было двойственно. По словам Ю.Лотмана, «в сфере идей и «идеологической речи» усвоены были нормы европейской культуры, выросшей на почве просветительства XVIII в. Сфера практического поведения, связанная с обычаем, бытом, реальными условиями помещичьего хозяйства, реальными обстоятельствами службы, выпадала из области «идеологического» осмысления, с точки зрения которого она «как бы не существовала»... Таким образом, создавалась иерархия поведений, построенная по принципу нарастания культурной ценности (что совпадало с ростом семиотичности). При этом выделялся низший — чисто практический — пласт, который с позиции теоретизирующего сознания «как бы не существовал»⁶, и высший, связанный с мировоззренческой проблематикой и значимый для индивида. Причем, если низший пласт соотносился с традиционными ценностями, то высший являлся плодом модернизации.

В результате этого, как писал один из представителей российской бюрократии, оценивая состояние российского общества начала XIX столетия, почти все дворянство, зажиточные семейства других состояний и все, кто обучался в учебных заведениях за счет казны, «затменны ложными учениями», то есть «руководствуются сочинениями, подобными вновь переведенному и изданному Юстия о правах народных обществ», «внимают <...>положениям английского или нынешнего республиканского правления». Они полагают, что «для достижения отечественного блаженства, всеобщего блага, нужно руководствоваться народным расположением и гласованием его о том»⁷.

Такая ситуация оказалась возможна потому, что дворянское воспитание, обучение, досуг, формы реализации духовных потребностей и проч. находились в рамках парадигмы модерна. В частности, небезызвестный консерватор А.С. Шишков обучался в Морском кадетском корпусе, который в то время был одним из лучших учебных заведений в Европе, много путешествовал, был в Швеции, не раз бывал в Италии, где изучал итальянский язык, читая Петрарку, Ариосто, Тассо, «Освобожденный Иерусалим» которого позже перевел на русский язык прозой. Будучи неистовым русофилом в вопросах словесности, свои

⁶ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции рус. дворянства (XVIII- нач. XIX века). 2-е изд., доп. СПб.: Искусство-СПБ, 1998. С.335.

⁷ Цит. по: Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия / Отв.ред. А.Ю.Минаков. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2005. С.94.

личные отношения Шишков строил на иных основаниях: одна из его жен, с которой он прожил счастливо долгие годы, голландка лютеранского вероисповедания, идеи мужа называла «патриотическими фантазиями» и в домашнем обиходе, с гостями и племянниками, всегда говорила по-французски, вторая жена — полька католического вероисповедания⁸. Ф.В. Растопчин, прославившийся своей деятельностью на посту генерал-губернатора Москвы в 1812 году — много путешествовал по Европе, посещал лекции в Лейпцигском университете, в Берлине изучал математику и фортификацию. Князь П.А. Вяземский писал о Растопчине: «Складом ума, остроумием — ни дать ни взять настоящий француз»⁹; и действительно, после 1815 г. Ф.В.Растопчин писал уже исключительно по-французски, жил большей частью в Париже и чувствовал себя там комфортнее, чем в Москве. С.Н.Глинка обучался в сухопутном шляхетском корпусе, в котором кадеты воспитывались «совершенно на французский лад»¹⁰. Вспоминая о годах своей юности, он писал: «за отплытием Наполеона к берегам Египта мы следили как за подвигами нового Кесаря; мы думали его славой; его славой расцветала для нас новая жизнь. Верх желаний наших было тогда, чтобы в числе простых рядовых находиться под его знаменами. Но не одни мы так думали и не одни к этому стремились. Кто от юности знакомился с героями Греции и Рима, тот был бонапартистом»¹¹. Примеры можно множить, но суть остается: российские консерваторы-«охранители», как и большинство просвещенных дворян, воспитывались и выстраивали свою жизнь в значительной степени в соответствии с господствовавшими в обществе модерными представлениями.

И если в домодернизационный период в соответствии с традиционалистской парадигмой повседневная жизнь структурировалась принципами патримониального домашнего хозяйства, то с XVIII столетия можно говорить о начале формирования «публичной сферы как некоего виртуального пространства, где в более или менее открытом режиме обсуждаются социально значимые проблемы, формируется общественное мнение, конструируются и переопределяются коллективные идентичности»¹².

⁸ См.: Аксаков С. Т. Воспоминания об Александре Семеновиче Шишкове // Аксаков С. Т. Собрание сочинений: В 3-х тт. М.: Художественная литература, 1986. Т. 2. С. 243–278.

⁹ Цит. по: Против течения: исторические портреты русских консерваторов... С.167.

¹⁰ Глинка С.Н. Записки, СПб.: Издание редакции журнала «Русская Старина», 1895. С.66.

¹¹ Глинка С. Н. Записки. С.194.

¹² Малинова О.Ю. Идеологический плюрализм и трансформация публичной сферы в постсоветской России// Полис. 2007, №1. С.8.

Просвещенное дворянство, выражающее, в широком смысле, интересы дворянства как правящего сословия, с позиции социальной общности формирует свое организованное социальное пространство как сословно-иерархическую структуру, в основе которой высокое происхождение, закрепленное в соответствующих привилегиях и правах дворянства — законодательной документации — (родословных книгах), определяющих его принадлежность к высшей сословной категории; наличие крупной собственности и ценностные ориентации¹³. В соответствии с этими критериями функционируют в Москве и Петербурге Английский клуб, известные салоны¹⁴ С.Д.Пономарёвой, А.П.Елагина, баронессы Э.Ф.Раден, вел. кн. Елены Павловны, Е.М. Хитрово, А.Оленина, З.Волконской, Е.Карамзиной, В.Одоевского и др., вечера и собрания у В.Жуковского и проч.¹⁵.

Формируются различные литературные группы, которые выступают со своим представлением о реальности, своим пониманием литературы и ее роли в жизни общества. Эти группы организуются в кружки или в институционализированные формы — общества («Зеленая лампа», «Арзамас», [«Беседа любителей русского слова»](#), [«Вольное общество любителей наук, словесности и художеств»](#), [«Вольное общество любителей российской словесности»](#), [«Общество любителей древней письменности»](#), [«Русское литературное общество»](#), [«Общество любителей российской словесности при Московском университете»](#) и проч.¹⁶).

Несмотря на то, что российская самодержавная власть подчинила культурный порядок политическому, элиты, по мнению Эйзенштадта,

¹³ Смольянинова Т.Е. Придворная культура в век Екатерины II и западная модель светского образа жизни и светского образования// *Studia culturae*: Альм. каф. философ. культуры и культурологии и Центра изуч. культуры филос. ф-та С.-Петерб. гос. ун-та. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2002. Вып.2. С.113.

¹⁴ Салон — это "светский политический, литературно-художественный кружок, состоящий из избранных лиц...". Большая Советская Энциклопедия / Глав.ред. Б.А.Введенский. 2-е изд. М.: Большая советская энциклопедия, 1955. Т. 37. С. 625.

¹⁵ См.: Аронсон М., Рейснер С., Литературные кружки и салоны: Антология. - М.: Академический проект, 2001; Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь/ Под ред проф. И.Е.Андреевского. СПб.: Ф.А.Брокгауз, И.А.Ефрон, 1900. Т.28. С. 146-147; Литературные салоны и кружки: Первая половина XIX века / Под ред. Н.Л. Бродского. М.: Аграф, ЛТД, 2001; Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции рус. дворянства (XVIII-нач. XIX века). СПб.: Искусство-СПБ, 1998; Лотман Ю.М. О русской литературе: Ст. и исслед. (1958-1993). СПб.: Искусство, 1997; Рогушина Л. Г. «Общество» как вид организации в русской жизни начала XIX века // *Феодальная Россия: Новые исследования*. СПб., 1998. Вып. II. С. 75-78 и др.

¹⁶ См.: Десницкий В.А. Из истории литературных обществ начала XIX века: Журналы "Беседы любителей русского слова" // Десницкий В.А. На литературные темы. Л.: Гослитиздат, 1936. Кн.2. С.181-220; Иезуитова Р.В. Литературные объединения и журналы первой четверти XIX века // *История русской литературы*. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1981. Т.2. С.36-50; Колюпанов Н.П. Биография Александра Ивановича Кошелева. М.: Изд. О.Ф.Кошелевой, 1889. Т.1, кн.1-2; Назарова Л.Н. Петербургская жизнь пушкинской поры // *Пушкинский Петербург*. Л.: Лениздат, 1949. С.199-284; Уваров С.С. Литературные воспоминания // *Москвитянин*. 1851. Ч.3, № 11. С.424-429.

добивались относительной свободы и распоряжались периферийными ресурсами, не связанными с атрибутами политической власти, «ради удовлетворения различных собственных желаний и достижения целей в той мере, в какой это не влияло на доступ к центральным властным позициям»¹⁷.

Думается, однако, что уже в конце XVIII – начале XIX в. сам характер периферийных ресурсов дворянской элиты имел определенную политическую окраску, поскольку в пределах публичной сферы велась борьба «за возможность сохранить или трансформировать социальный мир, сохраняя или трансформируя категории восприятия этого мира»¹⁸. Это проявилось, в частности, в том, что вопросы, обсуждавшиеся на публичных площадках и носившие литературный или общегуманитарный характер в эти годы нередко касались актуальной для российского общества и власти политической проблемы выбора: реформирование страны, ее дальнейшая вестернизация или отказ от реформ во имя национальной самобытности.

В данном контексте представляют интерес идеи А.С.Шишкова, адмирала, государственного деятеля, писателя и филолога, известного своим трактатом «Рассуждения о старом и новом слоге российского языка» (1803 г.). Шишков не только рассматривал национальный язык (церковно-славянский) как элемент культуры, но связывал его сохранение с существованием и защитой традиционного общества, которое, согласно его представлениям, было лишено недостатков настоящего. Более того, рассуждения о языке становились поводом для критики современного ему общества, которое утратило, по мнению Шишкова, свойственную ему ранее идилличность в результате того, что попало под постороннее влияние, прежде всего, французское, следствием чего явился культурный разрыв между дворянством и народом.

Публикация этих идей вызвала бурный общественный резонанс, положив начало литературной дискуссии о судьбах русского языка и национального самосознания¹⁹.

Несмотря на то, что Шишков отстаивал интересы традиционного общества, он выступал отнюдь не с позиций человека допетровской эпохи, но как наследник просветительских моделей мышления²⁰, пользуясь для обоснования своей языковой утопии материалом из

¹⁷ Эйзенштадт Ш. Революции и преобразования обществ...С.174.

¹⁸ Бурдые П.Социология политики/ Пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. С.56.

¹⁹ См.: Гынянов Ю. Н. Архаисты и новаторы. Л.: Прибой, 1929.

²⁰ Лотман Ю. М. Архаисты-просветители // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Таллинн: Александра, 1992. Т. 2. С. 356-358.

идейного арсенала европейского философствующего языкознания двух предыдущих столетий²¹.

Однако и сама языковая утопия, как и утопия социальная («Мы видим в предках наших примеры многих добродетелей: они любили отечество свое, тверды были в вере, почитали царей и законы: свидетельствуют в том Гермогены, Филареты, Пожарские, Трубецкие, Палицыны, Миныны, Долгорукие и множество других. Храбрость, твердость духа, терпеливое повиновение законной власти, любовь к ближнему, родственная связь, бескорыстие, верность, гостеприимство и иные многие достоинства их украшали»²²), являлась не столько результатом научной рефлексии, сколько идеологическим мифом. В частности, исследователь жизни и деятельности Шишкова М.Г. Альтшуллер обращает внимание на тот факт, что, отбирая фольклорный материал, который был призван убедить читателя в истинности предлагаемой социальной утопии, Шишков игнорировал то, что противоречило концепции гармоничного прошлого России²³.

Консервативный дискурс, с которым выступал Шишков, как представляется, вполне может быть интерпретирован в качестве способа воздействия на процесс социально-политического воспроизводства с целью сохранения значимых для дворянства ценностей и норм, и прежде всего, привилегий, которые под воздействием просветительской идеологии оказались перед угрозой разрушения. И если первоначально просветительская идеология не связывалась с внесловностью, будучи распространяема самой самодержавной властью, наделяющей дворянство привилегиями, то результат Великой французской революции наглядно продемонстрировал, к каким последствиям ведут просветительские идеи, воплощенные в слове. Слово, по мнению Шишкова, является основным средством воздействия на индивида, формируя его либо в духе национальной идентичности, ассоциируемой с ценностями традиционного общества, либо в духе деструктивного космополитизма.

Идеи, с которыми выступал Шишков, были обращены и к центральной власти, поскольку в условиях ее политической монополии вернуть потерянную гармонию социальной жизни можно было только при согласии власти и под ее непосредственным руководством. В то же время концепт «самодержавная власть» не допускает вмешательства в сферу полномочий правителя, и прежде всего в сферу производства и

²¹ Прокофьев А.В. А.С.Шишков: Языковая утопия российского традиционализма и ее истоки//Философский век: Альманах. Вып. 5. СПб., 1998. С.251.

²² Цит. по: Против течения: исторические портреты русских консерваторов... С.42.

²³ Там же. С.51-53.

навязывания категорий мышления, в соответствии с которыми организуется социальная практика, поскольку любое вмешательство, даже с «апологетических» позиций, произвольно разрушает такую систему, ставя под сомнение единоличное право монарха на производство символической продукции.

В связи с этим деятельность Шишкова, а вместе с ним и консерваторов- «охранителей», выступавших на различных публичных площадках (в кружках, органах печати и др.) будто бы с позиций верховной власти, отстаивая принцип самодержавия («первый, высочайший из всех законов есть самодержавная власть, в которой все законы соединяются»²⁴), объективно способствовала деструкции традиционных представлений, поскольку «охранители», присваивая право на номинацию, «похищали» тем самым власть.

Это было связано не только с характером аргументации охранительных идей, но и с тем, что «охранительные» идеи, с которыми консерваторы обращались к обществу, далеко не всегда совпадали с позицией центра. Так, Шишков, как и российские консервативные круги, негативно относился к деятельности Александра I, направленной на либерализацию социальной жизни России, что нашло отражение в его литературном творчестве. Н.Греч по этому поводу писал: «...Кто подумает, что Александр Семенович Шишков, которого мы привыкли считать аристократом и отнюдь не фрондером и либералом, в 1801 или в 1802 году написал стихи на тогдашних министров в виде послания к Александру Семеновичу Хвостову», в которых, согласно мнению М.Г.Альтшуллера, в одной из строф сатирически изображен сам император, который, предаваясь мечтаниям, хочет поменять местами восток и запад и изменить человеческую природу»²⁵.

Однако и трактат 1803 г. «Рассуждения о старом и новом слоге русского языка», направленный против космополитичной просветительской идеологии, носил оппозиционный власти характер и был следствием того, что, недовольный ориентацией царя на молодых реформаторов и галломанов, Шишков, как он сам писал, «...отстал от двора.. и предался моим упражнениям в словесности и науках»²⁶..

Еще более ярко стремление Шишкова распространить свое мнение, повлияв тем самым на социальную ситуацию, проявилось в его деятельности по организации новой публичной площадки — кружка, а затем и общества «Беседа любителей русского слова», посещать заседания

²⁴ Цит. по: Там же. С. 73.

²⁵ Там же. С.33.

²⁶ Там же. С. 33

которого считали своим долгом представители высшего общества, разделявшие «охранительный» патриотический пафос звучавших там выступлений. Это позволило Шишкову и членам «Беседы» их собственные субъективные представления о должном, косвенно отраженные в их творчестве, объективизировать, открыв им доступ к коллективному существованию, а значит и оказать влияние на общественное мнение.

Таким образом, не только идеи консерваторов-охранителей, но и характер их деятельности носил современный характер, способствуя не столько консервации, сохранению сформированной к этому времени самодержавной системы, сколько ее изменению, направленному на выравнивание асимметричных властных отношений, уменьшению их односторонности, что носило императивный характер и не зависело от субъективной воли агентов.